

ИНТЕРВЬЮ

ГОЛОС ПАМЯТИ

Среди литературных открытий уходящего года многие читатели нашей газеты отметили, наряду со стихами Баси Малаевой, творчество прозаика Романа Ильясова, автора повести «Раввин из Коканда». Читательница из Квинса Роза Исхакова спрашивала, будет ли продолжение повести? Борис Мошеев из Бруклина сожалеет, что не все номера газеты по каким-то причинам попали ему в руки, и он интересуется, не вышла ли повесть отдельной книгой? Были и другие вопросы.

Мы обратились непосредственно к автору повести Роману Ильясову и попросили прокомментировать их.

- В первую очередь, хочется поблагодарить редакцию газеты The Bukharian Times за предоставленную возможность опубликовать первые главы моей повести. Шла большая и кропотливая работа с редактором Юрием Цыринным и дизайнером Региной Кузнецовой, которые оказали существенную помощь в ее издании. Будет ли продолжение повести? Да, обязательно будет. Требуется время, и я намерен завершить задуманное. Насчет отдельной книги – не знаю. Если откликнется издательство или найдется спонсор, то, возможно, книга выйдет. Сейчас я поставил повесть на свой вебсайт www.romanilyasov.yolasite.com. Там г-н Мошеев сможет прочесть те главы, которые не дошли до него в газетном изложении.

- Роман, мы знакомы несколько десятилетий, но я никогда не думал, что ты возьмешься за перо и заманешься на такую серьезную тему. Что побудило тебя взяться за написание повести? Ведь, как оказалось, это не только история семьи любимого деда.

- Я бы сказал, что это побуждение возникло по двум причинам. Первой причиной, как ты правильно заметил, была огромная любовь к своему деду. Второй – мое желание художественно описать то время – время ежовщины, которое по сути своей явилось сущностью и подлинным лицом всего советского строя. Нас отделяет почти 70 лет от тех трагических времен. Мне хотелось глубже ознакомить молодежь, и в основном выходцев из Узбекистана, с теми реальными событиями, героем которых оказался мой дед Яков Рубинов, передать дух того времени, постоянный страх, в котором пребывали наши деды и прадеды.

Да, можно сказать, что сталинизм породил особую культуру страха, отголоски которой ходят и до наших дней, в новой стране.

- С чего началась работа над повестью «Раввин из Коканда»?

- Я слышал всего несколько историй о собственном деду, которые мне рассказывали и его дети – мои мама, тетя, дядя, и несколько бывших учеников деда, которых он воспитал в еврейской традиции. То есть научил их молиться, читать на иврите, знать законы, соблюдать кашрут. Это

было первым эмоциональным толчком для осознания необходимости запечатлеть штрихи истории и семейные предания. Но когда человек начинает писать сам, он стремится глубоко понять происходящее – не только на фактографическом, но и на эмоциональном уровне. А это значит, что следует придать фактам художественное обрамление. Одним словом, сделать так, чтобы читатели могли бы представить себя самих на месте тех людей, или же вместе с ними прочувствовать состояние и условия, в которых пребывали герои моей повести.

- То есть, если я тебя понял правильно, истории о "Раввине из Коканда" включают не только документальные факты, но и художественный вымысел?

- В какой-то мере так и есть. «Над вымыслом слезами обильюсь», – говорил классик русской литературы. Я намеревался создать повесть, основанную на реальных фактах и событиях тех лет и способную захватить сегодняшнего читателя с первых страниц повествования.

- Назовите тех, кто оказал вам помощь, рассказав о вашем деду, кроме родных и близких.

- Я назову их с огромной признательностью. Это ныне покойный Илюша Акилов, а так же, дай Б-г ему здоровья и долгих лет жизни, кокандец, автор ряда литературных произведений Абрам Хананьевич Ильев. Оба они с гордостью называли себя учениками моего деда.

- Можно поподробнее.

- Илюша Акилов рассказывал, что мой дед был духовным просветителем, исколесившем все города Средней Азии, где проживали бухарские евреи. Он несколько раз приезжал в Самарканд и устраивал там шиуры – семинары для религиозных евреев. Илюша говорил, что моего деда нельзя было сравнить ни с кем другим. Он имел способность излагать трудные страницы Талмуда и Торы в такой глубокой и тонкой интерпретации, что казалось, выступает профессор теологии. Сам Илюша Акилов был среди тех, кто присутствовали на этих занятиях, ощущали себя как бы перенесенными из жизни реальной в богатый духовный мир раввина Рубинова. По свидетельству Акилова, несколько часов такой учебы давали им духовный заряд на многие годы. Отметим, что делать это в те годы было небезопасно. Но он работал с народом, боясь только Б-га.

Абрам Хананьевич Ильев рассказал мне, что по роду своей деятельности ему пришлось сталкиваться с огромным количеством людей, как в Коканде, так и в других городах Узбекистана, однако он никогда не встречал в своей жизни столь простодушного, честного и фанатично преданного Б-гу человека, каким был мой дед – раввин Яков Рубинов.

Он очень сожалел о том, что многим другим воспитанникам раввина Якова пришлось неожиданно прекратить учебу в доме моего деда, так как стало известно, что кто-то послал анонимку на него в НКВД. Мой дед не проработал ни одного дня на советскую власть и был, по советским законам, тунецем. К нему хотели применить печально известную 108 статью, и отправить его в Каракалпакию. Семья Ильевых неоднократно

спасала его. Так что им низкий поклон. Они проводили огромную подпольную работу и оказывали скрытую помощь в среде кокандских евреев во времена ежовщины, а также в военное и послевоенное время.

- Роман, я достаточно близко знаю твою маму, одну из передовых женщин Самарканды, врача-педиатра. Мне не раз приходилось слышать от нее интересные рассказы о своих отце, матери – твоей бабушке, все состояние которой было истрачено на обучение детей Торе. Тем не менее, простите, сама она не была набожной женщиной. Кажется, являлась яркой коммунисткой.

- Я понимаю, о чем ты намерен меня спросить. Чем объяснить такой парадокс: наш дед, способный вдохновить и просвещать огромное количество бухарских евреев, не смог воспитать в собственной дочери духовные ценности иудаизма?

Никакого парадокса в этом не вижу. Наоборот, в этом проявилось особое отношение моего деда к формирующейся личности дочери, его стремление не навязывать даже самым близким концепций, которых они сами пока не готовы принять. Он высоко ценил свободу выбора человека, его право на свой жизненный путь. Он просвещал тех, кто сами выбирали для себя этот духовный путь и помогал им от всего сердца, если видел отклик в их душе. Моя мама была дарвинисткой, она познавала и понимала мир в терминах марксистской диалектики. У нас было много книг, большая библиотека, которая оказала на меня огромное воздействие.

- Читательница Роза Исхакова пишет, что в первой главе повести так детально описаны сцены в тюрьме, что складывается впечатление, что ты и сам отсидел там срок. Я-то знаю, что с законом ты был всегда на «вы», и, слава Б-гу, личного тюремного опыта нет. Как тебе удалось так удачно передать тюремную жизнь в твоей повести?

- Слава Б-га, миновала меня такая участь. Но рассказы тех, кто отбыл сроки в советских тюрьмах, в частности моего отца и его братьев, произвели на меня очень сильное впечатление. Все они, как и мой дед, были обвинуены в годы ежовщины как немецкие и английские шпионы. Кроме того, вся многочисленная

имеются какие-либо особые сведения об иранских евреях – жителях территории бывшего Советского Союза (Туркмении, Узбекистане, Таджикистане и т.д.), прошу связаться со мной через газету The Bukharian Times. Также можно присылать фотографии на мой e-mail адрес: rilyasov@verizon.net

- Вернемся к деду, раввину Якову Рубинову. Он мечтал репатрироваться?

- Он верил, что это произойдет. Верил в то, что Всевышний всех соберет в Израиле, что время Мошиаха приближается – и мы все окажемся чудесным способом в стране предков. Он умер в 1966 году в Душанбе, и похоронен в Коканде. История его последних дней достойна специального рассказа. Больной, он выехал из Самарканды в Душанбе, где должен был провести шиур. Мама сопротивлялась, как могла, но он её послушался и все же выехал в Таджикистан. Там скончался от заворота кишок. Из Душанбе тело раввина Якова Рубинова вывезли в Коканд – город, где он родился и который очень любил. Его похоронили с большими почестями. Через год началась Пятидневная война, а за ней последовала репатриация евреев СССР в Израиль.

- Знаю, что рав Рубинов был бы среди первых, кто отправился на Святую землю. Недавно мы встретились с тобой на заседании благотворительного фонда «Коканд», и я слышал, с каким уважением присутствующие отнеслись к памяти твоего деда.

- О, это было для меня просто откровением. Я всегда знал, что кокандцы очень дружны и большие патриоты своей общины. Но когда я встретился с ними в ресторане «Фортуна», меня восхитили их дела, связанные с кокандским кладбищем. Мне довелось познакомиться с Яковом Мататовым, крупным бизнесменом и филантропом, уроженцем этого города. Я обратился к нему с предложением создать портрет раввина Якова Рубинова, чтобы он занял свое достойное место в портретной галерее раввинов Центра бухарских евреев Америки. И это предложение было принято с большим воодушевлением.

- Раввин Яков Рубинов был гордостью не только кокандцев, но всего бухарско-еврейского народа. А ты, Роман, оказался достойным внуком, увековечив его образ в своей одноименной повести.

- Мы не должны забывать наши корни!

- Рома, разреши от себя лично, а также от всех читателей газеты пожелать тебе творческих успехов и поблагодарить тебя за эту повесть, ставшую событием в литературной жизни бухарских евреев Америки.

- Спасибо.

Рафаэль НЕКТАЛОВ

На снимке: автор повести Роман Ильясов и члены фонда «Коканд»: Яков Мататов (Феникс) и Менаше Шимонов.